

Оригинальная статья
УДК 811.111
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-86-99>

Медиаполитический дискурс: концепции и подходы к исследованию

Наталья Валентиновна Степанова^{1✉}, Екатерина Владимировна Курганская²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>

²katrinkurg26@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-9084-597X>

Введение. В статье представлены результаты обзора научных трудов по теории дискурса, отражающих этапы эволюции медиаполитического дискурса в отечественной лингвистике. Цель статьи – обобщение, систематизация и анализ подходов к исследованию медиаполитического дискурса и концепций его осмысления. Рассматриваются такие понятия, как медиадискурс, медиатекст, медиалингвистика, политический дискурс. Актуальность исследования определяется тем, что в современной лингвистике медиаполитический дискурс как раздел теории дискурса исследуется недостаточно комплексно и системно. Существует необходимость определения более четких границ медиаполитического дискурса, его функций и жанров.

Методология и источники. Статья подготовлена в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, функционального подхода к анализу дискурса, медиалингвистики. В соответствии с постулатами критического дискурс-анализа, медиаполитический дискурс рассматривается как конститутив социальной практики. Основным исследовательским методом является аналитический научный обзор трудов по теории дискурса.

Результаты и обсуждение. В ходе обзора работ по медиа- и политическому дискурсу приводятся основные подходы к пониманию и исследованию медиаполитического дискурса. Обозначаются границы данного типа дискурса как одного из разделов современной теории дискурса. Выявляются концепции научного познания, обусловившие формирование медиаполитического дискурса. Дается обзор трудов по смежным типам дискурса на предшествующих этапах развития научной мысли. Рассматриваются актуальные направления его исследований. Интернет-дискурс трактуется как альтернативный источник политической информации, как медиадискурс второго порядка. Акцентируется экспликация в медиаполитическом дискурсе элементов дискурса вражды и оппозиции «свой – чужой», а также идеологизация данного типа дискурса в целом.

Заключение. Выявлена тенденция к слиянию медиадискурса и политического дискурса в рамках медиаполитического дискурса в современной лингвистике. Среди ключевых подходов к исследованию медиаполитического дискурса обозначены кратологический, структурно-коммуникативный и медиатехнологический, при анализе блогосферы – критический дискурс-анализ, структурно-функциональный и компаративный

© Степанова Н. В., Курганская Е. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

подходы. К наиболее перспективным направлениям исследования можно отнести выявление сущностных характеристик медиаполитического дискурса и разработку жанровой стратификации данного типа дискурса.

Ключевые слова: медиаполитический дискурс, медиадискурс, медиатекст, политический дискурс, медиалингвистика, политическая лингвистика

Для цитирования: Степанова Н. В., Курганская Е. В. Медиаполитический дискурс: концепции и подходы к исследованию // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-86-99.

Original paper

Mediapolitical Discourse: Concepts and Framework

Nataliia V. Stepanova^{1✉}, *Ekaterina V. Kurganskaia*²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

²*katrinkurg26@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-9084-597X>*

Introduction. The article presents the results of the review of scientific works on discourse theory, reflecting the stages of evolution of media-political discourse in Russian linguistics. The aim of the article is to summarize, systematize and analyze approaches to the study of media-political discourse and concepts of its comprehension. Such concepts as media discourse, media text, media linguistics, and political discourse are considered.

Methodology and sources. The article is prepared in the context of the cognitive-discursive paradigm, functional approach to discourse analysis, and media linguistics. In accordance with the postulates of critical discourse analysis, media-political discourse is considered as a constitutive of social practice. The main research method is an analytical scientific review of works on discourse theory.

Results and discussion. In the course of the review of works on media and political discourse the main approaches to the understanding and research of media-political discourse are highlighted. The boundaries of this type of discourse as one of the areas of modern discourse theory are outlined. The concepts of scientific cognition that conditioned the formation of media-political discourse are identified. A review of works on related types of discourse at the previous stages of scientific thought is given. Internet discourse is viewed as an alternative source of political information. The article emphasizes the elements of language of enmity and the binary opposition “us/them” in the media-political discourse.

Conclusion. The paper reveals a tendency to merge media discourse and political discourse within the framework of media-political discourse in modern linguistics. Among the key approaches to the study of media-political discourse the following approaches are identified: cratological, structural-communicative and media-technological ones; when analyzing the blogosphere it is advisable to refer to critical discourse analysis, structural-functional and comparative approaches. The most promising areas of the research include the identification of the essential characteristics of media-political discourse, and the development of genre stratification of this type of discourse.

Keywords: media political discourse, media discourse, media text, political discourse, medialogistics, political linguistics

For citation: Stepanova, N.V. and Kurganskaia, E.V. (2024), “Mediapolitical Discourse: Concepts and Framework”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-86-99 (Russia).

Введение. Цель статьи – обобщение, систематизация и анализ подходов к исследованию медиаполитического дискурса и концепций его осмысления. Актуальность исследования определяется тем, что в современной лингвистике медиаполитический дискурс как раздел теории дискурса исследуется недостаточно комплексно и системно. Существует необходимость определения более четких его границ, функций и жанров. При этом очевидна тенденция к слиянию, сближению, объединению медийного и политического дискурсов. Также востребованность исследования медиаполитического дискурса на современном этапе развития науки определяется необходимостью распознавания и анализа манипулирования, дезинформирования и других проявлений «нелегитимного использования дискурса» и нанесения вреда обществу при помощи публичного дискурса.

Прежде чем перейти к рассмотрению медиаполитического дискурса, необходимо разграничить ряд смежных понятий, сосуществующих в современной лингвистике, в числе которых «политический дискурс», «медиадискурс» и «медiateкст».

Основной задачей лингвистического анализа политического дискурса с точки зрения критического дискурс-анализа представляется выявление механизмов взаимодействия и взаимовлияния дискурса, знания и общества [1–4]. Границы политического дискурса неочевидны. В узком смысле он формируется и рассматривается исключительно в контексте политических институтов, в широком смысле к политическому дискурсу относится любая коммуникация, направленная на борьбу за власть. По мнению Е. И. Шейгал, политический дискурс представляет собой «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [5, с. 9]. При характеристике политического дискурса исследовательница отмечает его фундаментальную аргументативность, массовость адресата, театральность, динамичность, эзотеричность, эмоциональность и манипулятивность [5, с. 9]. Центральной функцией политического дискурса является формирование общественного мнения и реализация власти, к периферийным функциям можно отнести социальный контроль, легитимизацию власти, а также убеждение адресата в необходимости «политически правильных» действий и оценок. К перечисленным функциям можно добавить также функцию информирования общества по политическим вопросам. Сообщения такого характера могут быть реализованы в различных жанрах, например политическое интервью или пресс-конференция. Композиция политического дискурса разнообразна, поскольку ей свойственны черты различных типов дискурса, что способствует применению определенного набора дискурсивных тактик.

Термин «медиадискурс» происходит из общей концепции дискурса и трактуется как любой вид дискурса, осуществляемый в пространстве массовой коммуникации. Конституентами медиадискурса являются медiateксты, которые выступают одновременно в качестве результата и инструмента медийной дискурсивной практики. Осуществление анализа медиадискурса, по мнению Е. В. Переверзева и Е. А. Кожемякина, правомерно лишь на материале медiateкста, позволяющего интерпретировать намерения, цели, использование язы-

ковых средств, жанровые характеристики дискурса и некоторые его концептуальные признаки [6]. С точки зрения Т. Г. Добросклонской, медиатексты представляют собой дискретные единицы медиадискурса, позволяющие упорядочить и структурировать распространение информации. Медиадискурс – это совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации. Медиатекст – базовый компонент медиадискурса, который представляет собой последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных, в зависимости от конкретного канала массовой информации. Важное свойство медиатекста заключается в том, чтобы упорядочить и систематизировать движение медиапотока в условиях информационного общества. Согласно российским и зарубежным функционально-жанровым классификациям, его можно разделить на четыре основных типа: новости, информационная аналитика и комментарий, публицистика или авторские тематические материалы и реклама [7, с. 108].

Методология и источники. В качестве методологической базы исследования использовались труды отечественных и зарубежных ученых в области медиадискурса, медиалингвистики, политического дискурса и политической лингвистики: Е. И. Шейгал [5, 8], Г. Я. Солганика [9–15], В. Е. Чернявской [16–18], А. П. Чудинова [19], Е. А. Кожемякина [6, 20, 21], Т. Г. Добросклонской [7, 22], В. И. Карасика [23, 24], М. Р. Желтухиной [25], О. Ф. Русаковой [26–28], С. Л. Кушнерук [29], Т. ван Дейка [3], Р. Водак [4, 30], Н. Фэркло [1, 2] и др.

На первом этапе аналитического обзора были рассмотрены труды ведущих лингвистов в области медиадискурса и медиалингвистики, политического дискурса и политической лингвистики. Далее на основании работ отечественных ученых постулируется и мотивируется необходимость объединения политического и медиадискурса в рамках единого более крупного образования – медиаполитического дискурса. На следующем этапе осуществляется обзор существующих материалов по медиаполитическому дискурсу, определяется сущность данного феномена, некоторые его характеристики, а также выявляются фундаментальные подходы к исследованию медиаполитического дискурса в современной лингвистике.

Политический дискурс и политическая лингвистика. Медиалингвистика. У истоков политического и в дальнейшем медиаполитического дискурса во многом стоят научные труды Г. Я. Солганика – как стилистически ориентированные, так и словарные работы [9–11]. Идеи исследователя, несомненно, в значительной степени предвосхитили последующие этапы развития медиа- и политического дискурса, особенно с точки зрения стилистического анализа языковой личности журналиста, транслирующего определенным образом интерпретированную информацию и свою собственную оценку ситуации [13]. Особый интерес вызывает коллективная монография под ред. Г. Я. Солганика «Язык СМИ и политика» [14], которая любопытна в том числе в контексте когнитивного осмысления формирования общественного мнения посредством соответствующих стратегий, тактик и политических метафор, а также с позиций критического дискурс-анализа, поскольку в работе затрагивается проблема соотношения власть–общество–СМИ. Современная трактовка дискурсивной личности в определенной степени опирается на понимание автором языковой личности журналиста/политика и характера ее взаимодействия с массовой аудиторией. В сборнике 2007 г. «Язык массовой и межличностной коммуникации» [15] Г. Я. Солганик задает границы языка СМИ и уточняет перспективы его развития, а также характеризует современный язык медиа в его

сопоставлении с языком предшествующего периода. Нельзя не отметить вклад Г. Я. Солганика как автора и научного редактора в подготовку изданий «Язык массовой и межличностной коммуникации» [15], «Язык СМИ и политика» [14].

Осуществляя обзор подходов к политическому дискурсу и дискурсу вообще, необходимо обратиться к трудам В. Е. Чернявской в области методологии анализа текста и дискурса, интертекстуальности, проблем речевого воздействия, и в том числе дискурса власти и власти дискурса, методологии исследований научного дискурса, стилистики научной речи. С точки зрения анализа политического дискурса и медиадискурса отдельное внимание следует обратить на монографию В. Е. Чернявской и Е. Н. Молодыхенко «История в дискурсе политики. Лингвистический образ “своих” и “чужих”» 2018 г. [18]. В данной работе акцентируется роль языка как способа создания реальности с выявлением типичных тактик и средств репрезентации «своих» и «чужих» в политическом дискурсе.

Исследования Е. А. Кожемякина в области теории политического дискурса, медиадискурса и собственно медиаполитического дискурса охватывают такие тематические области, как дискурсивное конструирование национальной идентичности, формирование медиа-реальности, медиарепрезентация политиков, явление мультимодальности. По мнению Е. А. Кожемякина, в соответствии с постулатами социального конструкционизма, медийная реальность не просто отражает объективную действительность, а является самостоятельной реальностью, достаточно автономной по отношению к «объективному миру» [20, с. 58]. По мнению Е. В. Переверзева и Е. А. Кожемякина, политический дискурс можно толковать как «произведенную в определенных исторических и социальных рамках институционально организованную и тематически сфокусированную последовательность высказываний, рецепция которых способна поддерживать и изменять отношения доминирования и подчинения в обществе» [6, с. 74]. При этом авторы отмечают, что в настоящее время осуществляется переход от классической интерпретации политического дискурса, при котором центральным аспектом исследования являются отношения доминирования и подчинения, к семиотико-языковым и прагматическим аспектам предмета исследования. Политика и политические отношения трактуются как конструкты, созданные на основе «молчаливого согласия» людей. «Проговаривание власти» трактуется в теории дискурса как ее реализация [6, с. 74]. Среди базовых характеристик языка политики авторы выделяют семантическую неопределенность, идеологическую полисемию, структурно-семантическую латентность, направленность на эмоциональное воздействие, фидеистичность, агональность и псевдиологичность, а также прагматическую ориентированность на достижение результатов, связанных с борьбой за власть. К фундаментальным функциям политического дискурса исследователи относят информирующую, инструментальную, нормирующую, легитимирующую и прогнозирующую функции, утверждая при этом, что политический дискурс представляет собой «основное средство манипулирования в политической среде» [6, с. 77–78]. Одной из главных задач научной теории дискурса является построение его многопараметральной модели, поскольку дискурс представляет собой многоуровневое и многофакторное явление, одновременно языковое, речевое, психическое, когнитивное и социальное [6, с. 76].

А. П. Чудинов рассматривает основные этапы становления и направления развития российской политической лингвистики. Исследователь обозначает в том числе характери-

стики, релевантные для анализа медиаполитического дискурса: поуровневый анализ языка с учетом коммуникативных стратегий и тактик и проявления речевой агрессии; изучение отдельных политических жанров, стилей, нарративов и текстов – исследование общих признаков политического языка; изучение идиостилей отдельных политических лидеров, направлений и партий; использование методов психолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии и других дисциплин; анализ отечественной политической речи и др. [19, с. 27].

Среди трудов в области медиалингвистики и медиадискурса особую роль играют работы Т. Г. Добросклонской, в которых рассматриваются предпосылки зарождения медиалингвистики в конце XX в., акцентируется ее актуальность как интегрированного подхода к изучению речевых медиапрактик, позволяющих раскрыть внутренние механизмы их порождения, распространения и воздействия на массовую аудиторию. Несомненный интерес представляет анализ лингвомедийных свойств и социокультурных характеристик различных типов медиатекстов. К методам изучения медиатекстов автор относит контент-анализ, структурно-тематический анализ, дискурсивный анализ и когнитивный подход, лингвокультурологический анализ, разнообразные лингвостилистические методы, а также критический анализ новостного дискурса [7, с. 7–8]. В фокусе внимания Т. Г. Добросклонской также оказываются экстралингвистические компоненты медиадискурса, включая производство, распространение и восприятие медиатекстов, социокультурный и идеологический контекст, интерпретационные свойства медиаречи, лингвомедийные технологии воздействия на индивидуальное и массовое сознание (лингвистические аспекты актуализации пропаганды и манипуляции) [7, с. 25]. К перспективным направлениям изучения медиаречи Т. Г. Добросклонская причисляет также медиастилистику, медиариторiku, медиа-дискурсологию, сопоставительную медиалингвистику, медиатекстологию [7, с. 107].

Е. Н. Пескова полагает, что взаимопроникновение и взаимозависимость медиакоммуникации и медиадискурса приводят к компиляции их функций, в числе которых можно обозначить следующие: информационная, воздействующая, просветительская, развлекательная, призывающая/направляющая, контролирующая, социализации [31, с. 29].

Результаты и обсуждение.

Медиаполитический дискурс. Направления исследований. Очевидно, что средства массовой информации играют доминантную роль в формировании политических предпочтений. Многие исследователи трактуют политический дискурс, опосредованный медiateхнологиями, как самостоятельный властный ресурс [27, с. 65]. С. Л. Кушнерук отмечает, что «в условиях перехода на цифровые технологии усиливается роль СМИ как “четвертой власти”, контролирующей информационные потоки и процессы конструирования представлений о действительности, которые воздействуют на глубинные пласты человеческого восприятия мира и его отдельных фрагментов» [29, с. 26].

Ведущая роль СМИ в реализации и распространении политического дискурса не вызывает сомнений. Именно благодаря масс-медиа политический дискурс становится публичным, адресованным максимально широкой аудитории. В связи с этим существует тенденция характеризовать взаимоотношения между медиа- и политическим дискурсом как отношения тождественности или как отношения подчиненности, при которых медиадискурс пред-

ставляет собой часть политического дискурса. В настоящее время популярность приобретает термин «медиаполитический дискурс», который, на наш взгляд, является удачным, поскольку с его помощью происходит объединение двух смежных, сосуществующих и, по сути, немыслимых друг без друга типов дискурса. Отметим, что ряд исследователей отдает предпочтение термину «политический медиадискурс». Так, О. Ф. Русакова относит концепт «политический медиадискурс» к обширной группе медиационных концептов политической коммуникативистики [26, с. 151]. Вопрос объединения политического дискурса с медиадискурсом поднимается исследователями в течение двух последних десятилетий, в частности, данная проблема затронута в фундаментальной монографии Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса» 2000 г.: «Особую роль в существовании политического дискурса играет дискурс масс-медиа, являющийся в современную эпоху основным каналом осуществления политической коммуникации, в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию политического дискурса с дискурсом масс-медиа» [5, с. 385]. Логика объединения медиа- и политического дискурса достаточно очевидна, поскольку общественное мнение о текущей политической повестке формируется у широкой массовой аудитории на основании информации, опосредованной СМИ [5, с. 317]. Таким образом, к числу системообразующих характеристик политического дискурса относится в том числе опосредованность политической коммуникации фактором масс-медиа [5, с. 10]. В. А. Марьянчик исследует аксиологическую структуру медиаполитического текста и справедливо, на наш взгляд, полагает, что на сегодняшний день можно говорить о «сращивании политического дискурса с дискурсом масс-медиа, о медиатизации политики и политизации журналистики» [32, с. 1].

Согласно определению О. В. Сулиной, медиаполитический дискурс (МПД) представляет собой «коммуникативный процесс обмена между политическими акторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности; совокупный результат этого процесса» [33, с. 221]. Под МПД мы, вслед за Т. Д. Подъяковой, понимаем «продукт СМИ, направленный на освещение и интерпретацию политической информации» [34, с. 103]. В соответствии с постулатами критического дискурс-анализа, а также функционального подхода к анализу дискурса в целом медиаполитический дискурс рассматривается как конститутив социальной практики. Медиаполитический текст (МПТ), в свою очередь, это «структурно и системно организованная, коммуникативная, знаковая единица, представляющая собой целостное и завершенное сообщение, функционирующее в сфере массовой коммуникации, отражающее политическую тематику» [32, с. 16].

В статье «Лингвистические исследования политического медиадискурса» В. И. Коньков дает обзор основных направлений изучения российского МПД. Ученый выделяет три этапа эволюции политической медиалингвистики в России и уточняет, что первые два этапа развивались в русле функциональной стилистики [35, с. 138]. В. И. Коньков отмечает, что лингвистические исследования политического медиадискурса выделяются в отдельное направление в конце XX – начале XXI в. В качестве одного из фундаментальных трудов по МПД автор обозначает уже упомянутую ранее коллективную монографию «Язык СМИ и политика», подготовленную известными российскими лингвистами в 2012 г. В основе монографии лежит идея о центральной роли политики в выявлении специфики медиадискурса [35, с. 145–146].

Необходимость исследования МПД объясняется теми же причинами, по которым целесообразно изучать политический дискурс. МПД является эффективным инструментом воздействия на общественное сознание. В связи с этим важно, с одной стороны, проследить, каким образом эту задачу решают журналисты и политики, с другой – проанализировать восприятие текстов МПД аудиторией с точки зрения распознавания манипулирования, дезинформирования и других «нелегитимных» (по Т. ван Дейку) проявлений дискурса и их разграничения от истинных интенций автора [5, с. 6].

В настоящее время отдельные исследователи и целые научные школы уделяют особое внимание теоретико-методологическим подходам к анализу МПД, его видам, формам и функциям. Подобные исследования интенсивно проводят в рамках политической лингвистики, в частности, ученые-дискуртологи Уральской школы. Оформление исследований МПД в качестве отдельного направления началось сравнительно недавно. Ранее МПД (политический медиадискурс) рассматривался в контексте более широкой проблематики теории дискурса, дискурс-анализа, теории политического дискурса [28].

О. Ф. Русакова дает исчерпывающую характеристику подходов к исследованию МПД на данном этапе развития науки и выделяет три основных подхода: кратологический, структурно-коммуникативный и медиатехнологический [28]. Также исследование современного состояния и эволюционирования МПД предполагает обращение к постмодернистской концепции медиадискурса и критическому дискурс-анализу, поскольку эти подходы позволяют акцентировать идеологический характер МПД [26, с. 154–155].

С точки зрения кратологического подхода МПД представляет собой «властный ресурс», функционирующий в политической среде. Концептуальной основой кратологической модели МПД выступает оппозиция «свой – чужой», реализуемая посредством героизации «своих» (стратегия положительной самопрезентации) и дискредитации «чужих», что в условиях информационной войны может привести к конструированию образа «врага». В этом случае МПД трансформируется в дискурс вражды [28].

Отметим, что понятие информационной войны было введено в науку для экспликации представления о том, что информация является ресурсом власти. Данное понятие сосредоточено на описании технологий информационного и, в частности, речевого воздействия. Актуальность самого термина «информационная война» обусловлена общим нарастанием атмосферы напряженности в мире политики, выражающемся в постоянном нагнетании конфликтов. Информационные войны представляют собой лишь один из аспектов так называемого медиаполитического дискурса вражды. В последние десятилетия возникают такие понятия, как «образ врага», «дискурс ингрупп и аутгрупп». Появляется все больше работ, посвященных исследованию оппозиции «свой – чужой», объединяющей эти понятия.

При рассмотрении МПД целесообразно задействовать критический дискурс-анализ, который позволяет определить доминирующие ингруппы и «требуется судить с позиции меньшинства» [36]. Критический анализ МПД ориентирован на исследование способов, с помощью которых власть осуществляет свое господство в обществе, на изучение способов воспроизводства социального неравенства и языкового сопротивления. В работах специалистов по критическому дискурс-анализу особое внимание уделяется социальному, гендерному и этническому неравенству, случаям злоупотребления властью в различных сферах

общественной жизни. Критические исследования нередко представляют этнические меньшинства как угнетенную социальную группу, высвечивают коммуникативные проблемы, возникающие в результате угнетенного положения этих групп. Основная черта критического анализа МПД, в отличие от дескриптивного подхода, заключается не столько в стремлении описать социальные явления, сколько в том, чтобы проследить роль СМИ в воспроизводстве социального, гендерного, расового или этнического неравенства. Согласно данному подходу, ученый не может занимать позицию безучастного наблюдателя, а должен вскрывать и критиковать дискурсивные механизмы, которые позволяют воспроизводить неравенство с помощью СМИ. Исследователи выявляют, каким образом МПД формирует выгодные в текущей политической ситуации образы меньшинств, изучают дискурсивные проявления ксенофобии по отношению к мигрантам, а также рассматривают расистский и националистический дискурсы, в которых открыто культивируется «язык ненависти» (hate speech) по отношению к мигрантам.

В. А. Марьянчик отмечает, что функциональные семантико-стилистические категории МПД объединены вокруг оценочности. Оценочность МПД, в свою очередь, также построена на концептуальной оппозиции «свой – чужой» [32, с. 6]. По мнению Р. Водак, риторика исключения воплощает дискурс о «чужих», которые находятся внутри и за пределами «тела» (body), т. е. государства. Речь идет, например, о религиозных и этнических меньшинствах, при этом «Мы» (Запад и христианская Европа) обязаны защищаться от «Них» (Востока: евреев, мусульман и т. д.). Правые популистские партии традиционно отрицают сложный характер общественного устройства, называя себя «спасателями Запада», миссия которых – оберегать местных жителей от «варваров», не желающих интегрироваться в культуру и адаптироваться к ней, создающих конкуренцию на рынке труда [30].

При структурно-коммуникативном подходе МПД рассматривается как система структурно оформленных коммуникативных планов, среди которых интенциональный, актуальный и ряд других [28, с. 36]. К интенциональному плану МПД относятся идеи, замыслы, мотивы; элементы стратегического планирования; элементы моделирования адресной аудитории и барьеров публичной коммуникации. Актуальный план МПД представляет собой процессуальный коммуникативный акт, дискурсивную практику, включающую использование вербальных и невербальных форм коммуникации. В рамках данного плана происходит актуализации властных функций МПД: привлечение внимания аудитории; вовлечение адресата в коммуникацию; эмоциональное воздействие; убеждение, внушение, идеологическая обработка аудитории и др. Актуальный план предполагает реализацию следующих коммуникативных стратегий: коммуникативно-вовлекающая, информирующая, соблазняющая, убеждающая, эмоционально-возбуждающая, воодушевляющая, развлекающая, ментально-преобразующая, имиджирующая, мобилизующая.

При медиатехнологическом подходе к анализу МПД исследуются медиатехнологии и медиатехники как наиболее эффективный инструмент конструирования политической картины мира [28]. Особый интерес с точки зрения исследования МПД представляет коллективная монография под ред. М. Р. Желтухиной «Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик», написанная в русле антропоориентированной исследовательской парадигмы. В работе рассматриваются проблемы эффективизации коммуникации при помощи дискурсивных практик в условиях современной цифровой среды [25].

Блогосфера МПД. Не вызывает сомнений роль интернет-дискурса, блогосферы как альтернативного источника политической информации. Блогеры выступают в качестве СМИ, во многом определяя политическое мировоззрение своей аудитории [26, с. 156–158]. В. И. Коньков справедливо замечает, что в сфере МПД формируется самостоятельное направление, ориентированное на исследование поликодового (креолизованного) текста, что приобретает особую актуальность с развитием и повсеместным распространением интернет-технологий. Таким образом, можно говорить о визуализации информационного потока [35, с. 151]. По мнению Т. Г. Добросклонской, медиатексты, создаваемые и распространяемые блогерами, это медиатексты «второго порядка» [7, с. 42]. О. Ф. Русакова отмечает, что исследования политической блогосферы осуществляются в рамках нескольких методологических подходов: 1) критический дискурс-анализ, позволяющий исследовать дискурс блогов и рассмотреть его роль в воспроизводстве неравенства, в утверждении символической власти «элит»; 2) структурно-функциональный подход дает возможность рассматривать дискурс политических блогов как структурный элемент политической коммуникации в целом, выполняющий определенные функции; 3) компаративный подход, при котором осуществляется сопоставление дискурсов блогов различных политических деятелей [26, с. 156–158].

Заключение. В результате аналитического обзора трудов по теории дискурса выявлена тенденция к слиянию медиадискурса и политического дискурса в рамках медиаполитического дискурса в современной лингвистике. Среди ключевых подходов к исследованию медиаполитического дискурса обозначены кратологический, структурно-коммуникативный и медиатехнологический подходы. Акцентирована экспликация в медиаполитическом дискурсе элементов дискурса вражды и оппозиции «свой – чужой», выступающая в роли идеологической концептуальной основы кратологического подхода к исследованию МПД. С повсеместным распространением интернет-технологий можно говорить о визуализации информационного потока. Интернет-дискурс выступает как альтернативный источник политической информации и как медиадискурс второго порядка. При изучении политической блогосферы целесообразно задействовать критический дискурс-анализ, структурно-функциональный и компаративный подходы. К перспективным направлениям исследования МПД можно отнести выявление его сущностных характеристик, разработку жанровой стратификации МПД, анализ дискурсивной личности журналиста/политика в МПД, а также изучение лингвистического инструментария данного типа дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fairclough N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge, 2003.
2. Fairclough N. *Media Discourse*. London: Edward Arnold, 1995.
3. Van Dijk Teun A. *Discourse and Manipulation // Discourse Society*. 2006. No 17. P. 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250.
4. Wodak R. *The Discourse of Politics In Action: Politics as usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000.
6. Переверзев Е. В., Кожемякин Е. А. Политический дискурс: многопараметральная модель // *Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2008. № 2. С. 74–79.
7. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. 2020. URL: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdf (дата обращения: 20.12.2023.)

8. Шейгал Е. И., Иванова Ю. М. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации // *Respectus Philologicus*. 2004. № 5 (10). С. 29–41.
9. Солганик Г. Я. *Стиль репортажа*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.
10. *Стилистика газетных жанров* / Г. Я. Солганик, М. К. Милых, В. П. Вомперский и др.; под ред. Д. Э. Розенталя. М.: Изд-во МГУ, 1981.
11. Солганик Г. Я. *Стилистический словарь публицистики: около 6000 слов и выражений*. М.: Русские словари, 1999.
12. Солганик Г. Я. *Толковый словарь русского языка. Язык газет, радио и телевидения: около 6000 слов и выражений*. М.: АСТ: Астрель, 2002.
13. Александрова И. Б., Славкин В. В. Григорий Яковлевич Солганик: «Русский язык – это моя Родина» // *Стилистика завтрашнего дня: сб. ст. к 80-летию проф. Г. Я. Солганика*. М.: МедиаМир, 2012. С. 5–10.
14. *Язык СМИ и политика* / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012.
15. *Язык массовой и межличностной коммуникации* / Я. Н. Засурский, Н. И. Клушина, В. В. Славкин и др. М.: МедиаМир, 2007.
16. Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // *Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология*. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 83–93. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93.
17. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 2. С. 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.
18. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. *История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих»*. М.: URSS, 2018.
19. Чудинов А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // *Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2003. № 1. С. 19–31.
20. Кожемякин Е. А. Современные медиадискурсы: специфика и проблема когерентности // *Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. науч. работ I междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 1–4 апр. 2014 г.* / БелГУ. Белгород, 2014. С. 57–62.
21. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект // *Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология*. 2008. № 15 (55), вып. 2. С. 5–12.
22. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // *Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология*. 2014. № 13 (184), вып. 22. С. 181–187.
23. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис, 2004.
24. Карасик В. И. *Дискурсивная персонология* // *Язык, коммуникация и социальная среда*. 2007. Вып. 7. С. 78–86.
25. *Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик* / В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова и др. / отв. ред. М. Р. Желтухина. М.; Волгоград: ООО «ПринТЕРРА-дизайн», 2020.
26. Русакова О. Ф. Медиадискурс как концепт дисциплины «Политическая коммуникативистика» // *Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология*. 2013. № 27 (170), вып. 20. С. 150–160.
27. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // *Антиномии*. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65–77.
28. Русакова О. Ф., Курильченко С. С. Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа // *Дискурс-Пи*. 2019. № 4 (37). С. 28–48. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10402.

29. Кушнерук С. Л. Миромоделирующий потенциал дискурса политического события // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2018. Т. 15, № 3. С. 26–31. DOI: 10.14529/ling180304.

30. Wodak R. *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: Sage, 2015. DOI: 10.4135/9781446270073.

31. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2 (16). С. 26–31.

32. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Северный (Арктический) фед. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2013.

33. Сулина О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 217–222.

34. Подьякова Т. Д. Номинации лиц в медиаполитическом дискурсе: к проблеме классификации // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 10. С. 103–106.

35. Коньков В. И. Лингвистические исследования политического медиадискурса // Медиалингвистика. 2018. № 5 (2). С. 138–161. DOI: 10.21638/spbu22.2018.201.

36. Фурсов К. К. Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 46–56.

Информация об авторах.

Степанова Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, стилистика, межкультурная коммуникация, теория перевода.

Курганская Екатерина Владимировна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: компьютерная лингвистика, дискурсивный анализ.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.11.2023; принята после рецензирования 26.12.2023; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Fairclough, N. (2003), *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*, Routledge, London, UK.

2. Fairclough, N. (1995), *Media Discourse*, Edward Arnold, London, UK.

3. Dijk, van T.A. (2006), "Discourse and Manipulation", *Discourse Society*, no. 17, pp. 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250.

4. Wodak, R. (2011), *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*, Palgrave Macmillan, Houndmills, UK.

5. Sheigal, E.I. (2000), "Semiotics of political discourse", Dr. Sci. (Philology) Thesis, VSPU, Volgograd, RUS.

6. Pereverzev E.V. and Kozhemyakin E.A. (2008), "Political discourse: unitary multi-parametric model translation and translation theory", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Linguistics and intercultural communication*, no. 2, pp. 74–79.

7. Dobrosklonskaya, T.G. (2020), *Medialinguistika: teoriya, metody* [Medialinguistics: theory, methods, directions], available at: https://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdf (accessed 20.12.2023).

8. Shejgal, E.I. and Ivanova, Ju.M. (2004), "Pre-election television debates as a genre of strategic communication", *Respectus Philologicus*, no. 5 (10), pp. 29–41.
9. Solganik, G.Ya. (1970), *Stil' reportazha* [Reporting style], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, USSR.
10. Solganik, G.Ya., Milykh, M.K., Vomperskii, V.P. et al. (1981), *Stilistika gazetnykh zhanrov* [Stylistics of newspaper genres], in Rozental, D.Eh. (ed.), Izd-vo MGU, Moscow, USSR.
11. Solganik, G.Ya. (1999), *Stilisticheskii slovar' publitsistiki: ok. 6000 slov i vyrazhenii* [Stylistic dictionary of journalism: approx. 6000 words and expressions], Russkie slovari, Moscow, RUS.
12. Solganik, G.Ya. (2002), *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Yazyk gazet, radio i televideniya: okolo 6000 slov i vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language. Language of newspapers, radio and television: about 6000 words and expressions], Ast: Astrel, Moscow, RUS.
13. Aleksandrova, I.B. and Slavkin, V.V. (2012), "Grigory Yakovlevich Solganik: "The Russian language is my Motherland", *Stilistika zavtrashnego dnya: sb. st. k 80-letiyu prof. G.Ya. Solganika* [Stylistics of tomorrow: Sat. Art. to the 80th anniversary of prof. G.Ya. Solganika], MediaMir, Moscow, RUS, pp. 5–10.
14. Solganik, G.Ya. (2012), *Yazyk SMI i politika* [Media language and politics], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, RUS.
15. Zasurskii, Ya.N., Klushina, N.I., Slavkin, V.V. et al. (2007), *Yazyk massovoi i mezhlichnostnoi kommunikatsii* [Language of mass and interpersonal communication], MediaMir, Moscow, RUS.
16. Chernyavskaya, V.E. (2017), "Operationalization of Context in Discourse Analysis", *Perm Univ. Herald. Russian and Foreign Philology*, vol. 9, iss. 4, pp. 83–93. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93.
17. Chernyavskaya, V.E. (2018), "Missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies", *Issues of Cognitive Linguistics*, iss. 2, pp. 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.
18. Chernyavskaya, V.E. and Molodychenko, E.N. (2018), *Istoriya v diskurse politiki. Lingvisticheskii obraz "svoikh" i "chuzhikh"* [History in political discourse. Linguistic image of "us" and "strangers"], URSS, Moscow, RUS.
19. Chudinov, A.P. (2003), "Russian political linguistics: formation stages and basic tendencies", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 19–31.
20. Kozhemyakin, E.A. (2014), "Modern media discourses: specificity and the problem of coherence", *Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education, 1st International Scientific-Practical Conf.*, April 1–4, 2014, Belgorod, RUS, pp. 57–62.
21. Kozhemyakin, E.A. (2008), "Discourse-analysis as a Cross-disciplinary Methodology: Historical Aspect", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, № 15 (55), iss. 2, pp. 5–12.
22. Dobrosklonskaya, T.G. (2014), "Mass Media Discourse as an Object of Scientific Description", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, № 13 (184), iss. 22, pp. 181–187.
23. Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Gnosis, Moscow, RUS.
24. Karasik, V.I. (2007), "Discursive personology", *Language, communication and social environment*, iss. 7, pp. 78–86.
25. Karasik, V.I., Krasnykh, V.V., Maslova, V.A. et al. (2020), *Person and his Discourse – 6: Digitalisation of Communicative Practices*, Zheltukhina, M.R. (ed.), PrinTerra-Design, Moscow, Volgograd, RUS.
26. Rusakova, O.F. (2013), "Media discourse as the concept of the discipline "political communicativistics"", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, no. 27 (170), iss. 20, pp. 150–160.
27. Rusakova, O.F. and Gribovod, E.G. (2014), "Political Media Discourse and Mediatization of Politics as Concept of Political Communicativistics", *Antinomies*, vol. 14, iss. 4, pp. 65–77.
28. Rusakova, O.F. and Kurilchenko, S.S. (2019), "Political Media Discourse: Issues of Theoretic-Methodological and Regional Analysis", *Discourse-P*, no. 4 (37), pp. 28–48. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10402.

29. Kushneruk, S.L. (2018), "World-modelling potential of the discourse of a political event", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Linguistics*, vol. 15, no. 3, pp. 26–31. DOI: 10.14529/ling180304.

30. Wodak, R. (2015), *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*, Sage, London, UK. DOI: 10.4135/9781446270073.

31. Peskova, E.N. (2015), "Media communication and media discourse: approaches to the definition, structure and function", *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, no. 2 (16), pp. 26–31.

32. Mar'yanchik, V.A. (2013), "Axiological structure of media-political text (linguostylistic aspect)", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, Northern (Arctic) Federal Univ. Named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, RUS.

33. Sulina, O.V. (2014), "Political mediadiskurs as an element of the discursive space", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Philology. Journalism*, no. 1, pp. 217–222.

34. Podiakova, T.D. (2013), "Nominations of persons in media political discourse: to the problem of classification", *Vestnik Novosibirsk State University. Ser. History and Philology*, vol. 12, iss. 10, pp. 103–106.

35. Kon'kov, V.I. (2018), "Linguistic studies of political media discourse", *Media Linguistics*, no. 5 (2), pp. 138–161. DOI: 10.21638/spbu22.2018.201.

36. Fursov, K.K. (2018), "Discourse of mass media hostility: process of formation and theory structure", *Society and Power*, no. 5 (73), pp. 46–56.

Information about the authors.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 50 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, intercultural (cross-cultural) communication, translation theory.

Ekaterina V. Kurganskaia – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 10 scientific publications. Area of expertise: computational linguistics, discourse analysis.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.11.2023; adopted after review 26.12.2023; published online 24.06.2024.*